

Мария Беркович

нестрашный мир

Любовь изгоняет страх

Мария Беркович

Нестрашный мир

«Интермедиатор»

2015

УДК 376
ББК 743

Беркович М. Б.

Нестрашный мир / М. Б. Беркович — «Интермедиатор»,
2015 — (Любовь изгоняет страх)

ISBN 978-5-4212-0305-6

Эта книга – дебют молодого писателя Марии Беркович – документальное повествование в письмах, дневниках и рассказах. Её герои – дети с нарушениями развития, их родители, волонтеры и педагоги, работники детских домов. Её предмет – методы помощи, способы взаимодействия с другими, особыми, детьми. Её сюжет – любовь как мера вещей. Для широкого круга читателей.

УДК 376
ББК 743

ISBN 978-5-4212-0305-6

© Беркович М. Б., 2015
© Интермедиатор, 2015

Содержание

О Маше Беркович	6
Кабинет французского	8
Письма с Онеги	11
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мария Борисовна Беркович

Нестрашный мир

Фотография Марии Беркович на обложке, фотографии в книге – Александр Гейзенцвей
Фотографии Антона на с. 181, 205 – Светлана Щагина

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)».

О Маше Беркович

предисловие к изданию 2009 года

Маше 24 года. Впрочем, этот факт решительно ничего не объясняет в Маше, так как является чистейшей условностью – она кажется то подростком, то человеком, прожившим огромную жизнь, наполненную подробными трудами, ежедневными преодолениями, неустанным добыванием смыслов и неустанной же проверкой их на прочность.

Маша – дефектолог. Педагог, психолог, нянька для детей и выросших детей, у которых – аутизм, умственная отсталость, слепоглухота, множественные нарушения развития. Маша – частный репетитор у тех, кто живет в своих квартирах со своими родителями. Маша – волонтер в детском доме для тех, от кого родители отказались. Маша – автор рабочих записей, дневников, писем к друзьям, которые, по сути, те же рабочие записи. Собранные под одной обложкой, они перед вами.

Это – факты.

А вот моя версия.

Маша – воин, эльф, подвижник, философ, поэт, дочь смотрителя маяка, Малыш и Карлсон в одном лице.

Маленькая, короткостриженная девочка в длиннополом черном пальто с непомерно большим для её роста рюкзаком за плечами. Там, в рюкзаке, среди многих, самых неожиданных предметов, необходимых для занятий с её подопечными, – флейта. Маша умеет на ней играть. С рюкзаком она наматывает километры по питерским окраинам, через промзоны и спальные пчелиные соты – по частным урокам. С рюкзаком она курсирует из города N (дальний пригород большого города) в большой город, чтобы от всеми отверженных перейти к отверженным не всеми, – к тем, кого все-таки любят, хотя бы и только родители.

Маша, конечно же, не из века нынешнего. Это становится понятно с первого взгляда. И по внешнему её облику (то ли мальчик Возрождения, то ли юная сестра милосердия призыва 1914 года). И по тихой, внятной, чистейшей русской речи с округлыми интонациями, идеальными согласованиями, точнейшей пропорцией назывных, вопросительных, восклицательных предложений, органичным преобладанием сослагательного наклонения над прочими и полнейшим отсутствием наклонения повелительного. Речи, в которой нет даже сиюминутных проскоков современного новояза или слов-паразитов, или попросту случайных слов. Так она говорит, и так она живет, и так она пишет – убедитесь сами, дорогие читатели, открывшие эту чрезвычайно важную для всех нас книжку.

Маша родом из какого-то такого времени, когда ещё не была провозглашена ни смерть Бога, ни смерть Романа, ни крушение гуманизма, ни торжество постмодернизма. И, тем не менее, будучи из этого своего, неведомого, времени, она, в общем, в курсе, что были Освенцим, и Холокост, и ГУЛАГ. Она знает это подробно и доподлинно (она вообще много знает) – а вопрос о том, возможно ли после этого искусство, для нее решен – вернее сказать, что для нее и нет такого вопроса. Искусство – возможно, потому что необходимо. Оно не спрашивает, оно возникает само по себе, неподвластное ни запретам, ни долженствованиям.

В частности, книжки возникают потому, что есть мысль, есть речь, есть вопросы, которые требуют ответа и опровержения этого ответа, а потом опровержения опровергнутого опровержения... И даже если ничего этого нет – ни мысли, ни вопроса, ни речи, ни опровержений –

есть трава, песок, деревья, ложка, окно, свеча, будильник, имя, звуки, шорохи, время суток... И они как-то складываются друг с другом, или есть острая потребность сложить их как-то, связать между собой – книжка, которая перед вами, и об этом тоже.

В Маше есть простота, которая уже после всех хитросплетенных конфликтов и сложных человеческих рефлексий на все вышеупомянутые вопросы. В Маше есть та серьезность и тот непафосный пафос, которые уже сдали все зачеты по иронии и скепсису и, получив за них отличные отметки, выбросили их за полнейшей ненужностью.

Маша написала книгу не о профессии. Она написала книгу о любви. О той самой, которая уже ответила на все вопросы, отменила все ответы и прошла все смерти, смертию смерть поправ. Потому что, как мы знаем из одной, самой главной, книги, это единственный выход. К свету.

Любовь Аркус

Кабинет французского

Автор выражает свою глубокую признательность близким, друзьям, коллегам и учителям, но особенно людям, без которых эта книга была бы невозможна:

*моим бабушкам
Галине Майзелис и Нине Катерли,
маме Елене Эфрос,
хранителю Александру Гейзенцеву,
моим друзьям и коллегам
Тане и Сабине,
учителям Нине Старосельской,
Марии Дименштейн, Марианне Майер,
Ирине Карвасарской,
Александре Черкасской, Ците Келлер,
Елене Микишиной и Алле Тымкив,
первому издателю этой книги
Любови Аркус,
друзьям и адресатам моих писем
Льву Гондельману
и Екатерине Шипилёвой.*

Начало этой истории находится между началом конца детства и его окончательным концом.

Может быть, всё началось рано, в мои тринадцать и три четверти, или ещё раньше – в мои тринадцать с половиной, или с того, как тётя Надя продала дачу в Зеленогорске, Торфяная улица, а номер дома – удивительно! – но сейчас оказалось, что я его не помню. Может быть, даже еще раньше, в начале августа 1998 года. Это был очень трудный август. Тогда мы с дедушкой Мишей и Никифором (домашнее прозвище моей бабушки) уехали за тысячу километров от нашей дачи в Зеленогорске и жили в доме, который стоял в сосновом лесу. Я помню запах прошлогодней сырости в комнатах и вкус масла, полежавшего на открытой тарелке в холодильнике.

В это лето я вдруг поняла, что время идёт очень быстро, не успеешь оглянуться, как мама постареет и умрёт, и я сама постарею и никогда больше не поеду в лагерь в Финляндии, и дачу нашу снесут – дача была для меня тем же, что счастье. Так плохо, как тогда, мне никогда в жизни не было (а мне плохо бывает очень редко). Я лежала на верхнем этаже домика, вертела в руках старый том Гайдара с повестью «Судьба барабанщика» и плакала. Я бродила по сосновому лесу и сочиняла какие-то глупые пьесы в стихах. Плакала и просила Бога, чтобы всё это поскорее кончилось. В самом деле, стало легче.

Когда я приехала в город, оказалось, что тётя Надя продала дачу.

Про Зеленогорск я, наверное, не буду рассказывать. У каждого есть такой Зеленогорск. Не перечислять же: вокзал, заброшенная больница, лес, дорога на залив, крыша сарая, финские поезда, ты ждёшь маму в начале улицы, коробка для ложек и вилок, полосатая ваза. Это моё, это скажет мне всё, это сокровища, равных которым нет. Если бы я могла просто налить своё детство в чашку и дать выпить тем, кого люблю.

Любовь для меня начинается там, где соприкасаются два детства. Даже если о детстве не сказано между нами ни слова.

Любовь – я вспоминаю ночь накануне переезда на дачу, когда не можешь заснуть. Лежишь и смотришь, как на занавесках качаются тени деревьев. Окно приоткрыто. Кислоовато пахнет такими маленькими желтыми букетиками, которыми усыпаны тротуары в начале июня.

Вскакиваешь и идёшь босиком на кухню. Бабушка, конечно, не спит, читает. Капает мне в рюмку пятнадцать капель корвалола.

Тётя Надя продала дачу.

С этого момента детство стало кончаться с невероятной скоростью.

Не стало детского, привычного, знакомого до последней трещинки счастья. Начиналось что-то неведомое и страшное.

Мы вернулись в город, и я плакала ещё день или два, пока мама не спросила меня, что случилось. Я сказала. Тогда мама объяснила, что бояться нечего. Время действительно идёт очень быстро, и мы действительно рано или поздно умрём. Вот тут-то и начнётся всё самое интересное. Поэтому можно думать о старении и смерти без страха, а с любопытством: такая большая и быстрая река – интересно, куда она принесёт меня?

Я сидела одна за партой и рисовала истории про то, как Эа, Омесса и Онарис отправились в путешествие за Синим Камнем. Герои рисовались быстрыми росчерками, схематично, они постепенно обретали признаки, имена. Откуда, как они появились в моём воображении, я не знаю. Мир строился и рисовался на стенах нашей комнаты в Апраксином переулке. На ободренных обоях танцевали чёрные фигуры, одна будто наклонилась, чтобы что-то поднять, другая держала в вытянутой руке свечу. Под потолком я написала имена своих героев: Анемон, Эа, Омесса, Онарис, Повелитель Ветров, Повелитель Оленей.

Был ТЮТ – театр юношеского творчества. Я любила его. Близких друзей, даже приятелей, не было, играла я в спектаклях мало. Любила коридоры, лабиринты, кулисы и декорации. Это было такое место для тихого аутиста. Можно было ходить, смотреть, думать и дышать этим воздухом. Я ходила в большой соседний концертный зал «Карнавал», когда там не было концертов, и бродила по его мраморным этажам. Танцевала, когда меня никто не видел. Балансировала на широких перилах (на высоте третьего этажа). Однажды меня поймали за этим занятием и привели к зав. воспитательной работой Ларисе Петровне.

– Зачем же ты ходила по перилам?

– Хотела покончить жизнь самоубийством, – соврала я. – Из-за несчастной любви.

Мы говорили около часа. Это был мой первый и единственный разговор с ней.

И хоть я и не хотела кончать жизнь самоубийством, было мне, вероятно, не слишком-то весело. Разговор с Ларисой Петровной очень помог. С тех пор при встрече мы всегда здоровались и улыбались друг другу. Ещё я очень любила стоять на контроле, отрывать билеты. Там я себя чувствовала на своём месте.

Спектакли – «Сирано де Бержерак», «Сотворившая чудо» – знала наизусть. Наверное, не будь «Сотворившей...», не стала бы я дефектологом.

Что ещё помню?

Дотронуться, за руку взять – лучше раскалённое железо.

Всегда жила во мне уверенность, что человек, которого я люблю, об этом должен сам догадаться, то есть он уже об этом знает. А я должна делать вид, что он мне совершенно безразличен. Или хотя бы не необходим.

Зачем, главное? Бог его знает, так я тогда была устроена. Я и сейчас так устроена.

Мне казалось, достаточно того, что я сама чувствую, внутри себя, это и так мучает, и так жжёт.

Школу я не любила из-за французского и математики, да и вообще почти из-за всех предметов. Из-за того, что меня дразнили. Я была неаккуратная – в рюкзаке разные бумажки и учебники по всем предметам, потому что было лень вечером их вынимать, – и ходила по-уродски, косолапо. И была ниже всех в классе.

Любила я кабинет французского. Он находился между четвёртым и пятым этажами, в тёмном коридорчике напротив кабинета химии. Дверь из коридорчика открывалась в свет. Кабинет всегда был полон солнца, даже в пасмурные дни. На низеньких окнах цвела красная

герань, а по карнизам вечно бродили голуби. Пахло здесь чердаком: сухим деревом, пылью, солнцем, кровельным железом, облаками, небом.

Из окна были видны крыши до самого конца города, до подъёмных кранов в порту.

Вот там-то я впервые ощутила прикосновение нестрашного мира.

Письма с Онеги

Лёве, который хотел стать врачом

Дорогой Лёва!

Три года назад ты задал мне вопрос, а ответа так и не получил. Три года – это долго. Должна же я в конце концов ответить!

Хочу рассказать тебе о своём смятении, страхе, радости, отчаянье, – а это очень трудно. Поэтому я просто записала все свои мысли по порядку, вот и получился жуткий беспорядок.

Знаешь, Лёва, иногда я думаю – может, стоит сменить профессию? Мне очень трудно работать с людьми. Я их совсем не знаю. Но они меня завораживают, и я не могу просто взять и бросить всё.

* * *

Дорогой Лёва!

На занятия с Егором я иногда приезжаю слишком рано. Тогда я захожу в супермаркет «О'Кей». Я стою у входа и смотрю на стеклянные часы турфирмы «Нева». На ряды и кассы. На людей с тележками. Иногда я сама беру тележку и делаю вид, что покупаю. Меня завораживает логика движения и нестолкновения тележек. Я никак не могу понять её. В супермаркете я ребёнок. Растерянный, заблудившийся, или радостный, убежавший. Это ничего не меняет. В любом случае, я только делаю вид, что покупаю.

Тогда я думаю о своих учениках. Я вижу их рядом. Они-то не делают вид, что покупают. На них косо смотрят. Их выгоняют, когда они опрокидывают коробку молока. Никто не поможет им разобраться в том, что вокруг.

Я напишу книгу, она будет называться «Дети в супермаркете». Но сейчас ещё рано. Книгу обычно пишут, когда что-то поняли. Как обобщение опыта. Вот, например, Януш Корчак¹. Многие люди всю жизнь зарабатывают право написать книгу. А у меня нет права писать о своих учениках. Я не знаю их. Может, я знаю о них даже меньше, чем они обо мне. Потому что им ничто не мешает судить беспристрастно. Однажды – это тоже было в супермаркете – я застряла в стеклянном лифте. Я поняла. Я смотрю на своих детей из стеклянного лифта.

Так вот, я напишу книгу, когда вырасту. Но вырасти мне не дают. Просят написать сейчас. Ладно. Если есть книги-завершения, пусть будет и книга-начало. Книга о тех, кто делает первые шаги навстречу друг другу и ещё ничего не знает.

* * *

Дорогой Лёва!

Сегодня день Святого Валентина. И эту книжку я должна дописать именно сегодня. Не знаю, почему так вышло.

Книжка, конечно, будет о любви, раз день такой. Хотя, напиши я её первого апреля или двадцатого ноября, она всё равно была бы о любви.

Выставили нас с Рустамом из класса. То есть мы сами ушли. Я сказала:

– Рустам, давай-ка прогуляемся.

Потому что чувствовала: сейчас добрая, терпеливая Анна нас просто убьёт. Сначала-то всё было хорошо: мы нанизывали на проволочку большие бусины, Анна объясняла задачу Тане, Саше и Ирине. Потом лепили из теста. Весело.

Но Рустам устал и принялся дубасить тесто обоими кулаками, распевая: «а-а-лла! а-а-лла! улла! а! а! А!!»

Измученная Анна, которая к этому времени отчаялась объяснить Тане и Саше, что «на два больше» – это плюс, а не минус, схватила Рустама за шиворот и бросила себе под ноги. Он тихо лежал на животе под учительским столом.

Потом Рустам встал на колени и упал вытянутыми руками вперёд.

– Смотри-ка, – сказала Анна, – это он намаз делает! Эти... они ведь мусульмане? Или нет?

– Вроде мусульмане...

– Рустам, скажи: «Аллах Акбар».

– Хватит издеваться, – говорю.

– Да я не издеваюсь, – говорит Анна.

Рустам выглянул из-под стола и улыбнулся мне. Открыл рот и приготовился запеть.

Тут-то мы и сбежали.

Сажу в коридоре на корточках, а Рустам у меня на коленях. Благо что лёгкий. Весит как пятилетний в свои восемь. Улыбается мне и обнимает за шею. Я рада. Обычно он в порыве чувств колотит людей кулаками.

Семь лет из восьми он прожил на скотном дворе в Краснодаре. Не умел пользоваться туалетом и ложкой. Раздевался и голый валялся на полу в классе. Игрушки первый раз увидел в интернате.

На открытом уроке, помню, раздала всем детям конфеты. Наша преподавательница говорит:

– А Рустаму-то дайте тоже!

¹ Януш Корчак (наст. имя Генрик Гольдшмит, 1878–1942) – польский педагог, врач и писатель. Погиб в Трешлине вместе со своими воспитанниками из «Дома сирот», отказавшись от предложенной свободы. Автор повестей для детей и книг о воспитании, среди которых «Как любить ребёнка», «Право ребёнка на уважение».

– Он не будет есть. Не знает, что это такое, – сказала Анна.

Мать приводит Рустама в интернат в понедельник и забирает на выходные. Каждый раз она вталкивает его в класс. Рустам рыдает и кричит «аба! аба!». Мать отрывает его от рукава дублёнки. Ни разу не поцеловала.

– А что вы хотите? Это ребёнок от нелюбимого человека!

* * *

Дорогой Лёва!

Редактор считает, что я должна объяснить читателю, где что происходит. Вообще-то, всё, что происходит, происходит во мне, но это ведь мало что объясняет. Ладно, я признаюсь, что работаю в разных местах и с разными людьми. А то большинство думает, что только с аутистами. Ну да, с ними я тоже работаю. В Фонде. И на Онеге². Онега – это наш летний лагерь, он очень далеко. Письмо идёт целых две недели.

Ещё я иногда работаю в школе N, детдоме X и на дому. Но это, по правде говоря, не имеет ни малейшего значения.

Вхожу в комнату.

Ребёнок лежит на полу и рыдает.

Он в бешенстве, ему страшно. Успокаивать и отвлекать бесполезно.

Ложусь на пол рядом с ним и начинаю кричать, рыдать и стучать ногами.

(«Ты не один, я разделяю твои чувства, я такая же, как ты».)

Он на секунду перестаёт рыдать и взглядывает на меня. Мельком, искоса.

С остервенением кусает свою руку Я тоже кусаю руку

Через десять минут он перестаёт рыдать и начинает жалобно тянуть:

– Ммммммм...

Я тяну вместе с ним. Выстраиваю простую мелодию:

– Мммм, ммммм... МММ... МММ...

Он смотрит на меня и хватается за волосы.

Я хватаю за волосы его. Не больно.

Он отпускает меня. Берёт мои руки, кладёт к себе на голову.

Я глажу его.

Он отходит на два шага, останавливается и оттягивает пальцами нижнюю губу.

Посматривает на меня. Я повторяю за ним.

Он садится за рояль и играет.

Медленно нажимает на клавиши.

Я отхожу.

Нужно дать ему побыть одному.

* * *

Дорогой Лёва!

Когда рассвет едва заметной дрожью
Колеблет ночь и гаснет темнота,
Твоя душа идёт по бездорожью,
Единым хлебом ангельским сыта.

² Летний интегративный лагерь реабилитационного туризма Фонда «Отцы и дети»; сайт Фонда: www.otsyideti.org.ru

Не перейти тропу единорожью,
Не миновать запретные врата.
И ночь ещё темней
Дремучего леса из старой сказки.
Ты стоишь перед ней
В пальто и свитере грубой вязки,
нет ни ночей, ни дней,
А лишь тишина наполняет связки.
Нащупываешь стволы,
Чувствуешь пальцами, как застыли
Ветки. И неизвестно – ты ли
Здесь проторяешь дорогу мглы
Или...
Лучше считай шаги.
И не надейся найтись по звуку.
Прикосновение чужой руки.
Что-то вложили в руку,
Шепотом «береги».
Голову наклони,
Остановись, напряженно слушай —
Кажется, скрип лыжни,
Кажется, где-то рожок пастуший³.

* * *

Дорогой Лёва!

Что-то я заснуть не могу. Хочется написать тебе об Анне. Есть люди, за которых мне хочется молиться.

Твоя мама говорит, что у нас каменное сердце. Так вот есть люди, которые могут это вылечить.

Первый раз я услышала Аннино имя просто так, без отчества.

– Один человек у нас пойдёт к Анне.

Всех учителей в начале практики нам представили по имени и отчеству.

– Маша у нас пойдёт к Анне. (И все переглянулись.)

Мы ходили по школьным лестницам, и А.С. спрашивала, заглядывая в классы:

– Анну не видели?

Анну никто не видел. Дети её где-то здесь.

Анна мне не понравилась. Выражением лица. Сперва я увидела в нем скуку и равнодушие. Только потом нашла верное слово: безнадежность.

Вся она была какая-то убитая. Безразлично смотрела на меня. Безразлично отвечала на вопросы. В классе сломанные парты. Голые стены. Ни одного цветка.

Меня возмущало, что Анна прямо посреди урока присаживается на парту и напевает. Как она может называть Сашку дураком? И не использует табличек! И работает кое-как! И на всё-то ей наплевать! На класс, на детей, на методику преподавания, на развитие слухового восприятия.

Я сказала:

³ Здесь и далее стихи автора.

– Анна – плохой учитель. Я не буду такой, как она. Три Аннинных выражения: «Дурдом-санаторий "Солнышко"» (это про класс). «Меньше слов – больше дела» – про мои конспекты уроков. И – «урок должен быть как песня».

Постепенно я её поняла. Это был отчаявшийся человек. Человек, опутивший руки.

– Понимаешь, – объясняла она мне, – дали мне класс. Они были совсем никакие. И вот за год я их вытянула так, что с ними стало можно работать. Тогда у меня их забрали и дали новых. Те вообще ничего не умели. За месяц я их кое-как привела в чувство. Тогда мне дали Настю с Рустамом. И у меня опустились руки. Если я работаю с классом, я бросаю этих. Работаю с этими – бросаю класс. Раньше я шла в школу как на праздник. Теперь я иду в школу как на каторгу.

Надо сказать, что даже если исключить Рустама и Настю, Аннин класс – худшие из худших. Тяжелые из самых тяжелых. На нас приходили смотреть.

Анна срывалась, кричала на детей, хватала Рустама за шкирку и кидала под учительский стол.

Но было что-то, и это осталось...

Как Анна подозвала меня к себе во время урока:

– Встань сюда. А теперь посмотри на их глаза. Видишь? С этого момента можешь им ничего не объяснять. Уплыли...

Как она объясняла мне построение уроков. Всегда хвалила. Если я работала плохо, говорила:

– У нас с тобой не получилось. А если мне что-то удавалось:

– У тебя получилось.

Как рассказывала про свой прошлый класс. Какие они были умные, всё ловили на лету. Всё, что только можно, она делала с тем, счастливым, классом.

Как к ней приходили «речевики», а попросту трудные подростки, вечная проблема директора – воры, беспризорники и двоечники, переведённые в нашу школу из обычной под давлением РОНО. Почему-то к Анне они испытывали доверие. Знали, какая она.

– Анна Дмитриевна, можно?

– А вы что не на географии?

– А ну её. Она истеричка какая-то.

Анна усмехалась, потом, опомнившись, вздыхала:

– Вот я не могу понять: как ты можешь называть истеричкой человека, который хочет дать тебе знания? И вообще, валите отсюда! У меня открытый урок. Не мешайте Маше. Ей и так тяжело. Машуля, гони их в шею.

Ещё к Анне приходили слабослышащие двенадцатиклассники, мои ровесники. Я их очень боялась и утыкалась в книгу. Они на меня косо посматривали и что-то обсуждали жестами. А Анну любили. И она их.

– Оболтусы! Маша, ты хоть что-то понимаешь из того, что они говорят?

Я чувствовала её бесконечную усталость, но только потом узнала, что Анна работает без выходных с восьми утра до 11 вечера на двух тяжелых работах.

– Я тоже раньше думала, что всем помогу и весь мир пере верну... Если ты хоть одного вытянешь – значит, не зря живёшь. И тебе за одно это можно памятник поставить.

«Памятник поставить» – ещё одно любимое Аннино выражение.

Она любит детей и свою работу.

Работу, про которую у нас говорят: «с умственно-отсталыми – никогда. Хочется получать хоть какую-то отдачу».

В конце практики она сказала мне:

– Маша, главное, сохрани любовь к этим детям.

У неё не осталось сил на то, чтобы каждый день переворачивать мир и спорить с Господом Богом о живых душах, которые Он ей должен.

Нам с ней было хорошо. Она сказала: «К концу практики я даже улыбаться начала».

Когда ты прикасаешься к страданию, если тебе удаётся подарить отчаявшемуся немного сил, на тебя обрушивается сильное и истинное – любовь, наверное. Любовь в неразбавленном виде. Тогда ты понимаешь, что Бог есть. Ради этого я хочу жить.

Мне стыдно перед Анной Дмитриевной за то, что я ушла, а она осталась. И значит, опять перестанет улыбаться. Стыдно за то, что я высыпаюсь, не отчаиваюсь, не выбиваюсь из сил, не несу чужую ношу. Практика кончилась.

Бога зову по имени
В тихом рассветном гимне:
Смилуйся, усыпи меня,
Смилуйся, помоги мне!

В утреннем легком веянье
Таинства ли, черты ли?
Тень по стене – мгновение,
Бой со стены – четыре.

Это ночные ангелы
Время шагами мерили.
Странно – да только странно ли?
Верю – да только верю ли?

* * *

Дорогой Лёва!
Вчера я опять виделась с Антоном.
– Антон, что это?
– Тесто!
– А что мы будем делать?
– Тесто!
– Ну да, это – тесто, а что мы будем делать? Ле...
– Летать! Вчера думала:
В каждой группе есть ребёнок, которого называют по фамилии.
А необучаемый ребёнок – это ребёнок, которого не обучают, только и всего.
У Бога необучаемых нет.

* * *

Привет, Лёва!
Сегодня мы узнали, что Андрюшу отправили в детский дом. Я тебе, кажется, не рассказывала про него.
Чаще всего Андрей говорит слово «казаки». Это означает всё хорошее.
Порисовать – казаки, качели – казаки, мелкие игрушечки из киндер-сюрпризов – тоже казаки.

Он произносит это слово целиком, но как-то коротко, на одном дыхании, поэтому кажется, что это только один слог: казаки, максимум – два.

А первое его слово было: «Америка».

Дорогой Лёва!

Когда я первый раз пришла в Фонд и села в углу на стул, ко мне подошел мальчик и дотронулся до правой щеки. Так началось моё путешествие.

Мой редактор говорит, что лучше всё-таки объяснить, что такое Фонд. Фонд – это Фонд. Я там работаю с 2004 года.

Тебе пока всё понятно?

Спрашивай, если что.

* * *

Дорогой Лёва!

Когда я была поэтом, мне было обидно и досадно, что я не чудотворец.

Теперь я работаю с детьми, и мне страшно, что я не чудотворец.

Никакой другой труд не даст мне столько радости, вдохновения, умиротворения.

И столько страха, тоски, неуверенности. Опасная работа.

Я ведь серьёзно: то пребываю на верху блаженства, то опускаюсь в бездну скорби.

Я серьёзно: дефектология – хроники пикирующего бомбардировщика.

Я хотела помочь детям справиться с их страхами, стереотипами, научить их устанавливать контакт с другими людьми.

И поэтому я бесконечно сталкиваюсь со своими страхами, негибкостью, неумением устанавливать контакт, чувствовать другого.

Меня бросает из крайности в крайность.

Я нетерпелива. Не с детьми нетерпелива, а с собой: хватаюсь за одно, за другое, ищу новое, не использовав до конца старое.

Я теряю голову перед своими ошибками.

Я впадаю в отчаянье от своего неумения.

Я чувствую, что мне самой нужна моя помощь.

И за спиной я всё время ощущаю Бога, который говорит: «Ты должна мне ещё одну душу».

И родителей, которые повторяют: «Ты в ответе за нашу новую надежду».

Поэтому мне страшно.

* * *

Дорогой Лёва!

Когда ты собирался быть врачом —

Я это время, кажется, застала,

Но это совершенно ни при чём —

Я что-то ощутила за плечом

И прыгнула под ветер с пьедестала —

Обратно не заманишь калачом.

Бежала, догоняла, уставала,

Смотрела на попутчиков сычом,

Величия — увы — как не бывало.

И по горячим трещинкам земли,
Как девочка, играющая в классы,
Шепча себе «у волка не боли»,
Считая мир, не отходя от кассы,
Ловя часы, куда не прошли.

Сидела на ступеньках и крала
Насущный хлеб со школьного подноса,
У поварихи-жизни из-под носа,
Со страхом обходила зеркала,
И вскакивала из-за стола.
Снежинки спят. На вкус они горьки.
Их собирает ветер в вихорьки,
Они взлетают, как пылинки в храме,
А я смотрю на всё из-под руки
И ухожу с последними ветрами.

* * *

Дорогой Лёва!

Вчера была на родительской группе.

Мать:

– А я вот, девочки, думаю, надо найти Косте лесника. Остальные:

– Кого?! Мать:

– Ну, лесника. Где-нибудь в Новгородской области, или ещё подальше, в чаще. Там же, девочки, лесничества. Ещё остались. Я узнавала. А лесники – это же спокойные люди. Они сами – как аутисты. Круглый год в лесу, без людей. Ну, я подумала: научил бы он моего Котьку помогать, хворост собирать, печь топить. Костя же умный. Он научится. А потом, глядишь, сам лесником станет...

* * *

Дорогой Лёва!

Я занимаюсь с Рустамом в учительской. Другого места для занятий в просторном бардаке школы N не нашлось. С одной стороны, это, конечно, неудобно, а с другой – очень познавательно. Потому что за два урока наших занятий к нам заходит за журналами весь учительский состав школы N.

Рустам – это местная достопримечательность. Потому что он «мальчик– Маугли», «детка из клетки» и так далее.

Примерно треть тётенек-учителей (как вы уже догадались, коллектив школы N на девяносто восемь процентов состоит из дам среднего возраста) подходит поближе и доверительным шепотом рассказывает:

– Вы знаете, такое ощущение, что его первые восемь лет жизни держали в запёртом помещении... Голого... А пищу пере давали через окошечко...

Иногда они интересуются: «Ну, как он? Есть хоть какие-то успехи?»

Я, конечно, бодро отвечаю, что успехов полно и вообще Рустам у нас **ещёвырастетивсемпокажет**.

Тогда они (не так бодро) улыбаются, берут свои журналы и уходят.

Некоторые не обращают на нас никакого внимания, как будто нас и нет. В чём-то они правы: я в школе не работаю, а Рустам вообще из ряда вон. Поэтому мы невидимые.

Иные тётеньки, наиболее нам симпатичные, здороваются, улыбаются и не мешают.

Остальные же смотрят на нас с таким выражением лица, за которое я бы не задумываясь лишала диплома педагога-дефектолога.

Одна сказала: «Он же опасен для общества!»

Сама ты опасна для общества, а прежде всего – для детей, с которыми ты общаешься пять раз в неделю по шесть часов.

– Знаете, он одну девочку чуть не придушил. Из четвертого класса.

Представляю, как мой Отелло, который в свои девять выглядит на дистрофичные пять, душит одиннадцатилетнюю девицу руками, которые даже пластилин размять не могут.

Ещё одна (кстати, супермегапрофессионал со столетним, как минимум, стажем):

– Это что? Школа или дом инвалидов? (Или дом престарелых, если на то пошло.)

Ну и ладно, а мы всё равно **имвсемпокажем**.

Пожелай нам удачи.

* * *

Дорогой Лёва!

Я не могу, когда Костя страдает.

Страдать – это лежать на рояле, засунув палец в рот, и тянуть:

– Маа-хааа... нетааа... Это значит:

– Маша, нет!

В смысле: «Маша, что бы ты мне ни предложила, нет, нет, нет. Оставь меня в покое».

И ещё: «пост!» (то есть поезд метро, хочу поехать домой). Пусть уж лучше ходит за мной и пытается укусить, с этим мы справляемся.

Кусать и бить – это не плохо, это мы так общаемся. Беседуем. Всегда можно перевести в игру. Гоняться друг за другом, например, и играть ногами на рояле.

В самые хорошие дни можно даже потанцевать под музыку («Маха! Песня!») или задуть свечки на торте из конструктора («тортик свечка задуть!»)

Но так долго страдать я не могу!

P.S.

и на воде зеленоватый срез,
и не дотлели белые поленья,
и тишина,
и музыка небес
ещё дрожит на краешке вступленья,
усни, подменыш.
ветер, шевеля
верхушки трав и листья щавеля,
спускается кругами, замирая,
бесшумно нагревается земля
и лодки у рыбацкого сарая.

и умолкает пение цикад,
стихают голоса в июльской неге,

расходится сиреневый закат
по западному берегу Онеги,
и мир приподнимается волной,
в которой не вздохнёшь и не утонешь,
усни, дитя, не понятное мной,
несчастный человеческий детёныш.

* * *

Дорогой Лёва!

Сегодня ходила в школу N заниматься с Настей. Настя – одноклассница Рустама.

И товарищ по несчастью: тоже «детка из клетки», «необу-чаемая» и «опасная для общества».

Как и Рустам, она «учится в первом классе».

Им обоим необходим индивидуальный подход, который учительница при всём желании не может им обеспечить. Настю перевели на индивидуальное обучение, но ей пришлось остаться в классе, потому что учителей не хватает. В начале дня Настя ведёт себя тихо: сидит за партой и рисует домики и людей. Из-за очень плохого зрения ей приходится пригибаться к столу. Потом она подносит свои рисунки к глазам и рассматривает. И рвёт на мелкие кусочки. Это знак. Сразу после этого Настя начинает хныкать и хлопать себя по щекам. Никто не обращает на неё внимания. Она срывается с места и отшвыривает ногой стул. Опрокидывает парту. Разбрасывая всё на своём пути, несётся по классу. Однажды она сорвала со стены доску.

Учительница отводит её в туалет и умывает холодной водой. Этот способ считается универсальным. А что ещё учительница может сделать? У неё целый класс сложных детей.

У Насти последствия ДЦП, нарушение слуха и зрения. Ходит она быстро, широкими шагами, наклоняясь вперёд. У неё лицо следопыта и наблюдателя. Выражение, которое появляется на Настином лице в счастливые минуты, называется «слабая улыбка». Она тоже из страдалцев.

Скучает по дому. В школу её отводит отец, пожилой мужчина – Настя поздний, долгожданный ребёнок. Что называется, «домашний».

Домашний ребёнок в школе N почти неизбежно страдалец.

Учительница и психолог уверены, что Настя умственно отсталая и необучаемая. Однако я выяснила, что она умеет писать. Она не выводит корявые печатные буквы. У неё широкий летящий почерк талантливого человека. Настя стремительно пишет чёрным маркером.

Показываю на неё: кто это? Пишет: «Настя».

(Необучаемый ребёнок.)

Я вам говорю, маленькие дети так не пишут. Не-личности так не пишут.

У Насти замечательная память: за одно занятие она запоминает десять слов-табличек и потом не забывает.

Но не говорит. Вообще. Не раскрывает рта. Даже кричит со стиснутыми зубами.

Пытаюсь научить её произносить самый простой звук – «а».

– Настя, покачаем куклу: а-а-а.

– Мммммм.

И кукла летит в угол.

Я люблю талантливых людей. Учительница говорит, что Настю ничего не интересует, но я знаю, что это неправда.

Сильная, свободная от природы душа, запертая в тишине, полумраке, где все движения затруднены, не может не страдать.

А что дальше?

Я не знаю, что дальше.

* * *

Дорогой Лёва!

Забыла тебе сказать – я теперь волонтер в детском доме. Прихожу два раза в неделю помогать.

Сегодня одна девочка залила меня, себя и всё окружающее пространство киселём.

Один мальчик верхом на горшке ускакал в угол и свернул с горшка другого мальчика.

Одной девочке не удалось почистить зубы, так как она встала на голову.

Ещё одна девочка, пока я пыталась вложить ей в руку ложку, другой рукой аккуратно размазывала кашу по столу...

Меня гложет нетерпение и желание показать им всё и сразу. Поэтому мне уже сказали: – Маша! Ну нельзя же так быстро! Наши дети слабые...

Кроме того, моя голова отказывается вмещать информацию о том, где хранятся памперсы, на кого какой свитер, кого кормить сначала, а кого потом и т. д. и т. д. и т. д.

Я знаю, что у меня ко всему этому мало врождённых способностей. Я очень резко двигаюсь. Нетерпелива. Не умею делать «по-матерински». Путаю и роняю. И тому подобное.

Чему меня пять лет учили? Онеге спасибо, а то бы пропала совсем. Сострадания во мне мало. Я вообще его не знаю. Мною движет какой-то духовный голод, желание приблизить к себе мир людей, войти в него и найти там своё место.

Меня учит Заския, педагог из Германии.

Когда я смотрю на неё, то не верю, а просто вижу, как можно лечить любовью. Я тоже хочу так уметь. Когда она заходит в группу, всё озаряется светом – стены, ряды кроваток, лица детей, даже полка с памперсами.

– Извини, Везрочка, – говорит Заския с мягким немецким акцентом, – но сейчас мы будем тебя немножко двигать. – О-о... Какой ужас! Мешают спокойно лежать!

Верочка, до того безутешно рыдавшая, закрывает рот и удивлённо смотрит на нас.

Я вижу Настю, которая глухо кашляет, к носу протянута трубка для кормления. Если присесть к ней на кровать, она обрадуется и закашляется ещё сильнее.

Слева лежит Аня с несгибающимися ногами, к ней иногда приходит мама. Под подушкой – «домашние» штаны.

Справа Галя, синдром Дауна, сидит в деревянном стульчике (именно «в»), требует общения: даёшь игрушку, она смеётся и выбрасывает.

Аршад с громадными глазами и ресницами, всё время на спине, пьёт из бутылочки, Олег со светлой и слабой улыбкой, слепой Владик, раскачивающийся под постоянное «Русское радио», рыдающий, в узел завязанный Алёша.

Даунята в манеже. Некоторые не умеют стоять. Разговаривают криком.

Сильный, свободолюбивый и сообразительный Мурат, меланхоличная Маша, крошечная слабая Эвелина, Паша, похожий на поросёнка, – так же хрюкает, шмыгая носом, ровный и быстрый Дима.

А я? Я ещё ничего для них не сделала, не умею, не хватает любви, терпения и знаний, я не Заския.

Я вижу Надю, тело которой так напряжено, что голова откинута назад, а руки вытянуты вперёд.

И ты идёшь, идёшь вдоль решетчатых кроваток, наклоняешься, и тебе улыбаются, улыбаются, улыбаются.

P.S. Лёва,

я не могу сказать, чем отличается любовь от нелюбви, потому что я не верю в нелюбовь. Но мы очень много и успешно занимаемся тем, что пытаемся любовь всеми средствами заглушить.

* * *

Дорогой Лёва, вот как меня вывели из себя:

– ...первое занятие – по теме «семья». Это очень важно... Семейные праздники... Семья и школа... включить родителей... словарь: мама, папа, бабушка, дедушка...

– У меня в классе могут оказаться и интернатские дети, что мне тогда делать?

– А?

– Ну, дети из детского дома, если у меня в классе будут, как я им это всё...

– (раздражённо) Это вопрос не по теме! При чём тут мы? Они там в детдоме... пусть детдом ими и занимается.

* * *

Дорогой Лёва!

Я написала про моего ученика Егора. Причём довольно давно. Сегодня я с ним занимаюсь, было трудно. Ровно – не бывает. Мы то «пребываем на верху блаженства, то погружаемся в бездну скорби». Сегодня как раз была бездна скорби. Потому что нельзя успокаиваться и думать, что всё понятно и просто, но об этом я тебе ещё напишу.

1. Егор из всех моих особых учеников самый особый. Особенный, можно сказать. Один из любимых.

2. Ему восемь лет.

3. Вес – 17 килограммов.

4. Не видит, не ходит, почти не слышит.

5. Мы с ним знакомы чуть больше года.

6. Его мама сказала мне:

– Понимаешь, я особенно не жду никаких результатов. Но ребёнок должен заниматься. Работать.

– Но я не умею...

– Вот и поучись. Значит, обоим будет польза.

7. Егор – единственный сын.

8. Меня уговаривали отказаться. Его мать сказала: «Вы что, с ума сошли?!»

9. У Егора было всё: бесконечные больницы, препараты, массаж, бассейн, психологи, дефектологи.

На любой мой вопрос – «...а вы делали? а у вас было?... а у вас есть...» – мне отвечали: «конечно, делали!», «да было, было», «точно есть, надо поискать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.